

УДК 94 (470.1)

САБЛИН Василий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, декан исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. одной монографии

ХУТОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 1917–1920-Х ГГ.

Аграрная революция, хутор, отруб, община, землепользование, землеустройство, расхуторизация

В начале XX в. процесс модернизации аграрной сферы Европейского Севера, основу которой составляло parcelлярное хозяйство, находился на стадии превращения натурального потребительского хозяйства в товарное¹. В условиях катастрофического малоземелья интересы мелкого крестьянского двора приходили во все большее противоречие с интересами государства – главного земельного собственника в регионе. Одновременно росло напряжение в отношениях общинной деревни с немногочисленным слоем частных владельцев земли – помещиков, хуторян и отрубников. В регионе насчитывалось свыше 10 тыс. хуторов и отрубов. Средний размер хуторских хозяйств в Архангельской губернии составлял 6,7 дес., в Вологодской – 12,7 дес., в Олонецкой – 61,3 дес. (большие размеры хуторского землевладения в этой губернии объяснялись тем, что в границы участка были

включены значительные площади «подсечно-го леса», болот, озер и других неудобных земель). Выделялась группа хуторов, образованных на купчих землях при среднем размере в 0,5 дес. Особое положение занимали свыше 1,5 тыс. хуторов, созданных в результате планового переселения избыточного населения из прибалтийских губерний².

С началом Второй русской революции на Европейском Севере уже в марте 1917 г. отмечались выступления крестьян, направленные на разгром помещичьих усадеб, раздел хуторов и удельных земель³. Массовый характер приняли самовольные порубки в казенных лесах. К осени 1917 г. стихия «черного передела» затронула даже самые глухие селения северных губерний⁴. Противостояние общинников и частных владельцев земли в ходе аграрной революции завершилось полной победой идей уравнительности. В жерно-

вах уравнительного передела 1917–1921 гг. полностью исчезло помещичье, церковное и монастырское землевладение. Общему разделу также подверглись 31,0% крестьянских хуторов и отрубов Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний⁵. Передача практически всех сельскохозяйственных земель в трудовое пользование крестьянства и их уравнительное перераспределение означали, во-первых, преодоление социально-экономического расслоения деревни, нивелирование крестьянских хозяйств, натурализацию производства, ослабление рыночных связей; во-вторых, совершилось возрождение общины, которая в 1922 г. охватывала 92,7% «пользовательных» земель региона. Дальнейшее развитие системы поземельных отношений в деревне было связано с абсолютным преобладанием общинного землепользования.

Земельный кодекс РСФСР 1922 г. признавал особые интересы и права деревни, закрепляя тем самым итоги осуществленной крестьянством аграрной революции.

В 1925/26 г. земельная площадь Европейского Севера равнялась примерно 123,415 млн га. Основу земельного фонда составляли государственные леса. На долю земель крестьянского землепользования приходилось чуть более 6,0% от общей территории региона. Большей степенью сельскохозяйственного освоения отличались Вологодская и Северо-Двинская губернии. В Вологодской губернии в трудовом пользовании находилось 38,9% всех земельных массивов, в Северо-Двинской – 18,7%. В Архангельской губернии и АО Коми освоенная в земледельческом отношении территория составляла лишь 0,6–0,7%, в Карелии – 9,3% (включая 1030,5 тыс. га подсечно-земельного пространства). Из общей площади земель трудового пользования региона 52,5% было сосредоточено в Вологодской

губернии, 23,5% – в Северо-Двинской, 16,8% – в Карельской АССР, 4,1% – в Архангельской и лишь 3,1% – в АО Коми.

По сведениям на 1 января 1925 г. общий фонд земель сельскохозяйственного назначения на Европейском Севере (без Карелии и АО Коми) составил 5 727 014 дес. (6 299 715,0 га)⁶. В подавляющем большинстве сельскохозяйственные угодья находились в пользовании земельных обществ⁷. В их распоряжении было сосредоточено 5 515 603 дес. (96,3%) сельскохозяйственных угодий. Товарищеские земли составляли 32 444 дес. (0,6%), земли учреждений – 10 024 дес. (0,2%), государственных земельных имуществ – 75 593 дес. (1,3%). Хуторские и отрубные земли в совокупности равнялись лишь 93 350 дес. (1,6%), в то время как в среднем по России составляли 4,0%⁸. Тем не менее интерес к частному землепользованию, не умерщвленный до конца в предшествующие годы, возродился тотчас же, как только изменилась в благоприятную сторону общая экономическая обстановка.

Хутора и отруба относились к чисто сельскохозяйственным предприятиям и получили распространение в более южных районах, где земледельческое производство играло доминирующую роль в экономической жизни крестьян. Например, из 286 участковых землепользований Архангельской губернии в 1926 г. 258 приходилось на южные районы губернии – Шенкурский и бывший Холмогорский уезды, в 1927 г. из 290 хуторов и отрубов – 262, то есть более 90,0%⁹.

С другой стороны, серьезным препятствием для развития участковых форм землепользования служили крайнее малоземелье крестьянских хозяйств и при этом большая разбросанность земельных участков на большой территории (мелкополосица и дальнотемелье), характерные для лесных губерний. Первоос-

нову хутора составляли сведенные в один клин земельные угодья и перенесенные на этот участок жилье и хозяйственные постройки. Собрать в один контур надельные «кочья» земель было делом безнадежным, а «перенесение на новые места жилых и хозяйственных, обыкновенно солидных в губернии построек является нецелесообразным и население на это совершенно не идет», как отмечали земельные органы Архангельской губернии¹⁰. При таких условиях ведение хуторского производства становилось невыгодным. Именно по этой причине участковые формы землепользования не получили развития в АО Коми. Отрубные участки в области отсутствовали совершенно, что касается хуторов, то с некоторой долей условности земельные органы АО Коми относили к ним однодворные выселки-починки. Такие починки создавались на расчистках в лесном фонде и в принципе не были связаны с надельным землепользованием¹¹.

Процесс выдела на хутора и отруба, по видимому, не подчинялся никакой другой закономерности, кроме как обозначенной выше. Хозяйственная специализация того или иного сельскохозяйственного района также мало влияла на развитие и размещение участковых форм землепользования. Так, по наблюдениям И.Н. Бакулина, изучавшего развитие крестьянского хозяйства в молочном районе, расположенном близ Вологды, ведущую роль здесь играло общинное землепользование. Из 13 селений района только в деревнях Поповка, Раскопино и Козляково земля была развешана на отруба¹².

На общем фоне своеобразным исключением выглядел Чебсарский район Северного края, образованный в ходе административной реформы 1929–1930 гг. из пяти северо-западных волостей Вологодской губернии.

Из 568 населенных пунктов, объединенных в 15 сельсоветов, 267 (47,0%) приходилось на хутора и выселки. Естественно, что такая концентрация в одном районе частного землепользования была во многом случайна и явилась следствием административного районирования. Тем не менее следует подчеркнуть, что этот район принадлежал к сугубо земледельческим районам, без сколь-либо заметной роли в экономике крестьянского двора отхожих промыслов и «кустарничества». Примечательно, что в Чебсарском районе основу индивидуального землепользования составляли «столыпинские» хутора¹³.

Можно ли говорить в этой связи о преемственности в развитии участковых форм землепользования в 1917–1920-х гг. со «столыпинскими» хуторами и отрубам? Судя по материалам о численности участковых форм землепользования в Северном крае (без АО Коми и Вологодского округа) по времени их образования за период с 1917 по 1928 г., 3581 (53,9%) из 6643 хуторов и отрубов, существовавших в Северном крае в 1928 г., образовались в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина и пережили бурный период аграрной революции, 932 (14,0%) возникли во время самой революции¹⁴. По сведениям земельных органов Северо-Двинской губернии, относящимся, правда, к концу 1920 г., из 2057 хуторов, вынесших удар «черного передела», 1535 хуторов (74,6%) находились в Опаринском переселенческом районе, обустроенном под хутора в период 1907–1912 гг., а остальные 522 большей частью располагались в районах, к нему прилегавших¹⁵.

Понятно, что после 1917 г. поменялся юридический статус участкового земледелия: из собственников земли хуторяне и отрубники превратились в пользователей государственной земли, а ее размер был приведен в соот-

ветствие с существующими передельными нормами. Тем не менее в данном случае крайне важно увидеть проявленное крестьянами стремление к единоличному хозяйствованию. В 1920-е гг. по числу землепользователей, при абсолютном преобладании общинных форм, хутора и отруба занимали в регионе второе место. Их земельные площади неуклонно увеличивались, по крайней мере, до второй половины 1920-х гг. При этом участковое землепользование отличалось наибольшей стабильностью.

Структура угодий отрубных и хуторских дворов, так же как и в общине, включала в себя пашенный клин, сенокос, усадебные земли, а также выгонные, лесные и другие участки. Причем, если хутора были полностью изолированы от земель общины, то при отрубной системе землепользования угодья общего пользования, как правило, не обособлялись. Правда, в силу неупорядоченности поземельных отношений на Европейском Севере хуторские и отрубные земли могли полностью или частично входить в то или иное земельное общество. Если участковое землепользование в составе общины представляло собой переходную ступень к полной индивидуализации, то изолированные от общины хозяйства являлись классическим примером такой индивидуализации.

По сведениям, относящимся к 1925 г., пашня, усадьба и сенокосные угодья отрубных хозяйств, входивших в земельные общества Вологодской губернии, как и следовало предполагать, исходя из их преимущественно сельскохозяйственной (земледельческой) специализации, составляли большую часть всех угодий. По губернии в целом их доля в структуре земельных площадей равнялась 70,9%. В Каргопольском уезде их размер составлял 76,9%, в Кадниковском – 50,7%, в Тотемском

– 47,1%. Удельный вес окультуренных земель во дворах отрубников в среднем в два раза превосходил размер аналогичных угодий общины, составлявших 36,8% от общего фонда земель.

На долю земель, занятых лесами, выгонами, кустарником и пр., приходилось всего 29,1% отрубного фонда земель. Обращает на себя внимание незначительный удельный вес выгонных земель – всего 6,0% от всех угодий. В Кадниковском уезде для отрубов, находящихся в составе земельных обществ, выгонные земли вообще не выделялись. Вполне очевидно, что отрубники дополнительно пользовались общинным выгоном.

В хуторских хозяйствах, входивших в земельное общество, доля пашенных, сенокосных и усадебных земель снижалась до 27,2%. «Пользовательными» угодьями было занято 72,8% земель. «Выгонные» угодья в данном случае составляли 46,4% – почти половину всех земельных угодий. Этот показатель мог свидетельствовать лишь об одном – преимущественно животноводческой специализации указанного типа хуторов.

Основу участкового землепользования составляли изолировавшиеся от общины хозяйства. Какими особенностями характеризовался данный тип землепользования? В Вологодской губернии в 1925 г., как и у всех землепользователей в обособленных дворах, основу земельных угодий составляли пашенный клин, сенокос и усадебные земли. Размер этой части угодий у отрубников составлял 72,3%. Наибольшим удельным весом культурной земли (85,9%) отличались отрубные участки Вельского уезда. В Вологодском уезде их размер снижался до 76,6%, в Каргопольском – до 70,9%, в Кадниковском – до 60,0%, в Тотемском – до 47,0%. В структуре угодий значительный удельный вес занимали луговые

площади, что позволяет говорить о преимущественно животноводческой специализации отрубных дворов. Что касается хуторов, то на долю этих угодий у них приходилось 38,2%. Размер сенокосных угодий также в 2 раза превосходил площадь пашни.

Анализ участкового землепользования позволяет сделать вывод о большей рационализации ведения хозяйства данным типом землепользователей. Судя по приведенным данным, доля удобных земель в структуре угодий у них была значительно выше, чем в общине. Для отрубных, состоявших в общине, она составляла 89,7%, для хуторов – 83,4%, для не состоявших в общине отрубных и хуторов – 95,0–95,8%, тогда как в общине – лишь 71,2%.

Выделение на хутора и отруба всегда являлось предметом ожесточенных споров и носило характер крайне острого социального конфликта. Неслучайно, значительная часть «столыпинских» хуторов погибла в ходе аграрной революции, а землепользование большинства оставшихся подверглось порывлению в соответствии с местными «трудопотребительными» нормами.

Выдел на хутор в условиях национализации земли и отмены частной земельной собственности в конечном итоге зависел от государственной политики в этом вопросе, всегда противившейся индивидуализации крестьянского землепользования, а также от согласия земельного общества, которое, как выясняется, шло на эту меру явно неохотно.

После аграрной революции 1917–1921 гг., судя по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г., на Европейском Севере большинство «миров» (68,5%) противилось хуторскому выделу, что служило важной причиной, сдерживавшей рост участкового землепользования. В роли же потенциальных хуторян выступали бедняцкие и середняцкие хозяйства (84,5%), очевидно, надеявшиеся на государ-

ственную поддержку по переселению и обустройству¹⁶.

Тем не менее вплоть до 1927/28 г. статистика отмечала постоянный рост участкового землепользования. В первую очередь это касалось Вологодской и Северо-Двинской «земледельческих» губерний. Если в Архангельской губернии общинное землепользование составляло 98,8% всех земель, а хуторское и отрубное – только 0,6%, то в Вологодской губернии 2,7% земельного фонда находилось в участковом пользовании. Наибольшее развитие участковое землепользование получило в Северо-Двинской губернии, где составляло в общей сложности 4,6%¹⁷. В последующие годы роль отрубных и хуторов начинает повсеместно снижаться. В Северо-Двинской губернии в 1928/29 г. по сравнению с предшествующим годом в общем объеме земель доля общинных угодий возросла с 95,1 до 95,5%, товарищеских земель – с 0,3 до 0,6%. Изменение пропорций в формах землепользования произошло за счет падения роли участкового землепользования с 4,6 до 3,9%¹⁸.

В 1916 г. в Вологодской губернии насчитывалось 702 хуторских и 479 отрубных землепользователей, в 1923 г. – 315 и 606, в 1925 г. – 1297 и 11 265, в 1926/27 г. – 1801 и 9333, в 1927/28 г. – 1801 и 8904¹⁹.

Как видим, 1925 г. служил для данной губернии своеобразным рубежом, на котором число хуторов превысило уровень 1916 г. в 1,8 раза и в 4,1 раза уровень 1923 г. Число отрубных превосходило уровень 1916 г. в 23,5 раза (!) и в 18,6 раза показатели 1923 г. Если учесть, что по отчетным данным Северо-Двинского земельного управления на 1 января 1928 г. единоличных землепользователей насчитывалось 4 тыс.²⁰, то их общее количество по Европейскому Северу составляло к концу 1927 г. около 15 тыс.

Государственная политика в вопросах землепользования на протяжении 1920-х гг. основывалась, с одной стороны, на пресловутом «классовом подходе», который привел, в конце концов, к формированию своего рода «культу бедноты» в деревне, с другой – на уверенности в перспективности только лишь коллективных форм хозяйствования. Поэтому неслучайно, что вопреки провозглашенному принципу свободы форм землепользования уже в октябре 1925 г. появился секретный циркуляр НКЗ РСФСР «О прекращении хуторских разверстаний», принятый в соответствии с установками комиссии ЦК РКП(б) по работе в деревне. В нем подчеркивалось, что «не только не может ставиться в качестве положительной задачи разверстание земель на

хутора, как наиболее разобщающее землепользование и укрепляющее индивидуальное хозяйствование, но и должны быть принимаемы активные меры к прекращению дальнейшего хуторского разверстания и привлечению населения к иным формам землепользования, от которых переход к коллективам был бы наименее затруднен»²¹. Указания сверху не замедлили сказаться в практике землеустроительных органов на местах. Судя по данным о землеустроительных работах по обустройству участкового землепользования (выдел и разверстание на хутора и отруба) на Европейском Севере за период 1922–1929 гг., участковое землеустройство достигло своей высшей точки в 1923/24 г. – 19876,1 га (см. табл. 1).

Таблица 1

**Землеустроенная площадь хуторов и отрубов
на Европейском Севере в 1922/23–1927/28 гг. (в га)²²**

Административные единицы	Годы					
	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Архангельская губерния	50,5	536,9	8,2	64,7	26,2	Нет св.
Вологодская губерния	8625,0	16329,0	6648,0	2677,0	1485,0	Нет св.
Северо-Двинская губерния	305,2	2901,6	1943,5	1032,0	1834,0	829,0
АО Коми	450,9	108,6	1809,5	4228,6	6992,0	148,0
Карельская АССР	—	—	212,0	26,0	51,0	6,0
Всего	9431,6	19876,1	10621,2	8028,3	10388,2	983,0
Всего без Коми АО	8980,7	19767,5	8811,7	3799,7	3396,2	835,0

Примечание. За 1922/23 – 1925/26 гг. по АО Коми и Северо-Двинской губернии земельные площади, указанные в десятинах, пересчитаны в гектарах из расчета 1 дес. = 1,09 га. Данные по АО Коми дополнительно включают в себя землеустроенные площади по выселкам. Землеустройство выселков в АО Коми составляло основу всего объема работ в сфере участкового землепользования.

В последующие годы объемы работ неуклонно сокращались. В 1926/27 г. обустроенная площадь хуторов и отрубов составляла лишь 52,3% от уровня 1923/24 г. Одновременно с практическими шагами по сокращению

хуторских и отрубных землеотводов усилиями партийных и комсомольских организаций начинается кампания по дискредитации участкового хозяйствования. Взятый правящей партией курс на коллективизацию сельского

хозяйства в ряде мест был расценен как установка на сворачивание хуторов. Например, в Шенкурском уезде Архангельской губернии совещание секретарей волостных ячеек ВКП(б), состоявшееся 10 января 1928 г., приняло резолюцию «О коллективизации хуторских и отрубных хозяйств коммунистов», обязывавшую местных партийцев быть примером в этой показательной кампании.

Обобществление хуторов и отрубов, принадлежащих коммунистам, предполагалось организовать следующим образом: «а) проводить вливание в хуторско-отрубные хозяйства маломощных хозяйств коммунистов и б) партийных, которые благодаря слабости хозяйства имеют тенденцию к «бегству» в город на заработки, этим самым достичь коллективизации индивидуальных хуторских, отрубных хозяйств и закрепления в сельском хозяйстве бедняков, тем самым уменьшая безработицу в городе».

Волостным комитетам партии поручалось «провести соответствующую подготовительную работу как среди коммунистов – хуторян и отрубников, так и бедняков, подготавливая их к практическому проведению этого мероприятия с тем, чтобы к весне [19]28 г.

часть хуторских, отрубных хозяйств там, где есть условия для этого, уже коллективизировать». Рекомендовалось «при проведении коллективизации... производить тщательный отбор вливаемых хозяйств по работоспособности и общим качествам вливаемых и их семей (дабы в последующем не произошли развалы на почве этого)»²³.

Принятие в декабре 1928 г. Всесоюзным ЦИК закона «Общие начала землепользования и землеустройства» означало окончательный выбор курса на обобществление сельского хозяйства. Сохраненный в законе принцип свободного выбора форм землепользования превращался в фикцию. Все преимущества в земельном обустройстве отдавались колхозам. На фоне этой политики хуторяне и отрубники превращались в злейших врагов коллективизации. На повестку дня ставился вопрос об изживании хуторов, о «расхуторизации». Таким образом, 1929 г. стал переломным годом в судьбе участкового землепользования.

Под нажимом властей в Вологодской губернии за период с 1918 по 1928 г. было переведено в другой вид землепользования («свернуто») 1359 хозяйств (см. табл. 2).

Таблица 2

Трансформация участкового землепользования в иные формы в Вологодской губернии в 1918–1928 гг.²⁴

Уезды	1918-1928 гг.				1927/28 г.			
	В общину		В коллектив		В общину		В коллектив	
	хозяйств	гектар	хозяйств	гектар	хозяйств	гектар	хозяйств	гектар
Вельский	109	16 265	24	567	–	–	24	567
Вологодский	527	8050	4	801	407	6440	4	801
Кадниковский	462	5065	27	612	34	599	27	612
Каргопольский	151	385	–	–	–	–	–	–
Тотемский	55	750	–	–	–	–	–	–
Всего	1304	30 515	55	1980	441	7039	55	2040

Примечание. Под хозяйствами Вологодского уезда, перешедшими на коллективную форму землепользования, имеются в виду 4 селения.

Ликвидация участкового землепользования в губернии сопровождалась в первую очередь обратным движением в общину (1304 хозяйства из 1359). По всей вероятности, большая часть хуторов и отрубов была уничтожена в ходе уравнительного передела земли 1918–1920 гг. Не случайно, что в качестве основной причины обратного перехода к общине земельные органы называли неравномерное земельное обеспечение и возможность «увеличения доли путем общего передела всех земель». Инициаторами переделов отрубов выступали малоземельные слои деревни²⁵. Видимо, не без влияния внешних обстоятельств на месте хуторов и отрубов в 1927/28 г. образовалось 55 коллективов.

После создания Северного края с центром в городе Архангельске процесс ликвидации хуторов значительно ускорился. Административная реформа, проведенная на Европейском Севере РСФСР, по мнению С.И. Шубина, служила цели подчинения Центру местных партийных и советских элит и, тем самым, носила ярко выраженный политический характер²⁶. Оформление Северного края произошло на первом съезде Советов, который состоялся 19–23 августа 1929 г. К этому времени было повсеместно ликвидировано прежнее административное деление, созданы 4 округа (Архангельский, Вологодский, Нян-домский и Северо-Двинский) и проведено районирование. В течение 1929 г. ЦК ВКП(б) и краевому центру удалось полностью подчинить своему влиянию и запугать местную номенклатуру.

Особенно тяжелые испытания выпали на долю вологодского и северодвинского руководства. Их обвинили в «искажении классовой линии» и директив НКЗ по землеустройству, в массовом насаждении хуторов и отрубов и слабой работе «по реорганизации

основной массы бедняцко-середняцких хозяйств»²⁷. В периодической печати появились обличительные публикации А.В. Лютина «Основные проблемы сельского хозяйства Северного края»²⁸ и В. Страхова «Как это могло получиться? (Об искривлении классовой линии в земельной политике)»²⁹ – ответственных работников краевого комитета партии и краевого земельного управления. Автору последней статьи было «понятно стремление кулака отгородиться на хуторе от земельного общества, «отмежевать» свой надел в форме хутора или отруба, «закрепить» таким путем свое землепользование». По его мнению, «можно понять и середняка, который тянется на хутор, желая силой индивидуального хозяйства создать благополучие, мечтающего до-расти до кулака. Во всяком случае, в том, что крестьянское кулацкое хозяйство тянется на хутор нет ничего неожиданного и непонятного. Нет неожиданного в этой тяге и отдельных середняков, если среди них не велось работы по коллективизации». В. Страхов обвинял вологжан и устюжан в абсолютно другом – в отсутствии борьбы «с отсталыми хвостистскими» настроениями деревни, в потворстве «собственническим индивидуалистическим устремлениям отсталой кулацкой части деревни», в искажении «классовой линии в земельной политике», разоблачал «ставку в этой политике на крепкого хозяйственного мужика» («чей бы хлеб ни был, лишь бы был»)»³⁰. Обвинение сопровождалось массовыми проверками и чистками. Осенью 1929 г. в Вологодском округе «за сращивание с кулацко-чуждыми элементами, искривления в классовой линии, бездеятельность и дискредитацию Советской власти» были сняты и отданы под суд значительная часть работников исполнительной власти³¹.

В ноябре 1929 г. появилась директива Северного краевого комитета ВКП(б) «Об уси-

лении руководства землеустройством», которая, в частности, требовала: «Подвести итоги землеустроительных работ, и лиц, превративших землеустройство в средство развязывания капиталистических элементов деревни, привлечь к ответственности. Подчинить землеустройство основной задаче – социалистической реконструкции сельского хозяйства и систематического ограничения капиталистических элементов в деревне... Немедленно прекратить землеустройство, связанное с оформлением старых и новых хуторских и отрубных хозяйств, приняв все меры к коллективизации землеустроенных выселков и отрубов»³².

Результаты кампании по «расхуторизации» северной деревни не замедлили сказаться. «Отчетный год является годом довольно резкого перелома в этом отношении», – от-

мечалось в сводке земельного управления Северного края за 1928/29 г. В Няндомском округе в течение этого года было ликвидировано 99 хуторов из 271 (36,5%) и 1731 отрубов из 2051 (84,4%)³³.

Таким образом, частные формы землепользования, возродившиеся на Севере в либеральный период нэпа, по структуре и организации земельной территории отличались большим рационализмом и соответствовали в основе своей параметрам преимущественно сельскохозяйственного предприятия. Оказавшись классово-чуждым элементом в системе поземельных отношений, культивируемых властью, они первыми подверглись остракизму. Судьба участкового землепользования трагическим образом предвещала судьбу общинного землепользования в ходе массовой коллективизации деревни.

Примечания

¹ *Островский А.В.* Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861–1914 гг. СПб., 1998. С. 211.

² См. подробнее: *Саблин В.А.* Хуторские хозяйства на Европейском Севере в годы Гражданской войны // Зажиточное крестьянство в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 263–265.

³ В первые же дни марта 1917 г. крестьяне разгромили усадьбу Антоново и сожгли усадьбу в Троицком имении Тотемского уезда Вологодской губернии. Из Спасской волости того же уезда сообщалось, что в деревнях появляются люди, агитирующие за немедленный раздел отрубов и примыкающих к их наделам удельных земель. В апреле–мае правительственные комиссары Тотемского, Вельского, Великоустюгского, Грязовецкого и других уездов доносили в Министерство внутренних дел об аграрных беспорядках, захватах земель хуторян, отказе от уплаты за аренду удельных и государственных земель (История северного крестьянства. Архангельск, 1985. Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. С. 288–289).

⁴ См.: История северного крестьянства... С. 276–312.

⁵ *Саблин В.А.* Хуторские хозяйства на Европейском Севере... С. 266.

⁶ Десятина равнялась 1,09254 га, гектар – 0,91529 дес. Для удобства пересчета в статистических публикациях по региону, как правило, эти цифры округлялись. Площадь 1 га приравнивалось к 1,1 дес., площадь 1 дес. к 0,9 га. При необходимости пересчета в статье использованы принятые округления.

⁷ Наркомат земледелия РСФСР выделял в 1920-е гг. пять видов (форм) землепользования: общинно-передельную, подворно-чересполосную, участковую, коллективную и смешанную (Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 2300. Л. 17–20).

⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2300. Л. 22об.–23.

⁹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 105. Оп. 2. Д. 248. Л. 4–4об.

- ¹⁰ Там же. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 93об.
- ¹¹ Только в Ношульской волости Сысольского уезда за 1922–1924 г. было образовано 42 новых починка (см.: РГАЭ. Ф. 3260. Оп. 5. Д. 67. Л. 13).
- ¹² Бакулин И.Н. К изучению крестьянского хозяйства в молочном районе. Вологда, 1927. С. 8–9.
- ¹³ Князев Н.В. Экономическое обследование Чебсарского района Северного края // Хозяйство Севера. 1930. № 9–10. С. 91–92.
- ¹⁴ ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 135.
- ¹⁵ Вологодский архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 169.
- ¹⁶ Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. 1923. Кн. 13. С. 149.
- ¹⁷ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 106а–107; ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 1об, 90об; Оп. 3. Д. 357. Л. 199; Оп. 17. Д. 3. Л. 2; Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 459. Л. 4; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2107. Л. 2; Д. 2790. Л. 12–19; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927 гг. М., 1927. С. 120–121.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 199.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 1об; Оп. 17. Д. 3. Л. 2; ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 459. Л. 4; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2107. Л. 2; Д. 2790. Л. 12–19.
- ²⁰ ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 199.
- ²¹ Цит. по: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 158.
- ²² Составлено и пересчитано по: ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2161. Л. 147; Оп. 2. Д. 1641. Л. 308; Автономная Карельская социалистическая республика: Ежегодник. 1929. Вып. IV. [Петрозаводск]. 1931. С. 139. Год работы. Отчет избирателям С.-Двинского губисполкома (12 декабря 1923 г. – 20 января 1925 г.). Великий Устюг, 1925. С. 15; Два года работы Северо-Двинского губернского исполнительного комитета с 1 апреля 1927 г. по 16 марта 1929 г. Великий Устюг, 1929. С. 54; Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 г. Вологда, 1928. С. 151; На перевале. Отчет избирателям С.-Двинского губисполкома (30 января 1925 г. – 10 февраля 1926 г.). Великий Устюг, 1926. С. 19; Отчет областного исполнительного комитета автономной области Коми за 1925/26 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1927. С. 67; Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926/27 – 1927/28 годы. Усть-Сысольск, 1929. С. 132; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. Архангельск, 1929. С. 151.
- ²³ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (далее – ГАОПДФ АО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 683. Л. 5. Резолюция была утверждена бюро Шенкурского Укома ВКП (б) 20 января 1928 г.
- ²⁴ ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 3–3об.
- ²⁵ ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 3.
- ²⁶ См. подробнее: Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск, 2000.
- ²⁷ См.: Постановление коллегии НКЗ РСФСР «По докладу Северного крайземуправления о землеустройстве в Северном крае» от 1 ноября 1929 г. (ГАОПДФ АО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 242. Л. 32).
- ²⁸ См.: Хозяйство Севера. 1929. № 12. С. 20–33.
- ²⁹ См.: Большеви́стская мысль. 1929. № 16–17. С. 53–61.
- ³⁰ Страхов В. Как это могло получиться? (Об искривлении классовой линии в земельной политике) // Большеви́стская мысль. 1929. № 16–17. С. 54, 55, 57.
- ³¹ Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994. С. 83.
- ³² ГАОПДФ АО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 58–58об.
- ³³ ГААО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 269. Л. 135об.

Sablin Vasily

**THE HUTOR (INDIVIDUAL FARM) IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA
IN THE SPHERE OF STATE POLICY OF 1917 – THE 1920s**

The article is devoted to the development of hutors (individual farms) in the European North of Russia in the period of agrarian revolution and the New Economic Policy. It is stated, that during the years of revolution the main part of hutors was subjected to the leveling re-allotment. In the period of the NEP northern peasants showed large interest in the individual farm management. Separation of farmers from the community was accompanied by severe conflicts. Their fate was finally determined in the period of the collectivization.

Рецензент – *Голдин В.И.*, профессор, проректор по научной работе Поморского университета